

СТАРООБРЯДЧЕСТВО В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

УДК 279.99

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/184-194

Научная статья

© С. А. Белобородов

УРАЛЬСКИЕ СКИТНИКИ В «ЧУЛЫМСКОЙ И КОЛЫВАНСКОЙ ТАЙГЕ» (ИЗ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ.)

Одной из главных задач в изучении такого сложного и противоречивого явления, как русское (и сибирское) старообрядчество является исследование локальных центров разных согласий и толков. По нашему глубочайшему убеждению, лишь такой подход дает возможность воссоздать цельную, объемную картину феномена старообрядчества в России. Статья посвящена реконструкции истории малоизвестного (в наши дни) скитского старообрядческого центра, появившегося в последней четверти XIX в. на территории Томской губернии и просуществовавшего до конца 1930-х гг. Особое внимание автор уделяет воссозданию биографий скитников и скитниц, большинство из которых были уроженцами Урала и до переселения в Сибирь проживали в различных уральских скитах. Комплексное использование источников, имеющих как сибирское, так и уральское «происхождение», позволило существенно расширить наши представления об этих людях, а в отдельных случаях достаточно полно реконструировать жизненный путь выдающихся старцев и стариц, о судьбе которых до этого момента почти ничего не было известно. Затронуты вопросы, связанные с периодизацией переселенческого движения уральских скитников в Сибирь. Анализируются причины миграции значительно числа старообрядцев в Томскую губернию. Рассказывается о их жизни в новых условиях и проблемах, которые в 1930-е гг. привели к новому переселению в еще более отдаленные края — на берега Енисея.

Ключевые слова: старообрядцы, скиты, Урал, Томская губерния, Чулым, Парбиг, биографии старцев

Ссылка при цитировании: Белобородов С. А. Уральские скитники в «чулымской и колыванской тайге» (из истории старообрядчества Томской области в конце XIX — первой трети XX вв.) // Вестник антропологии. 2023. № 2. С. 184–194.

Белобородов Сергей Анатольевич — к. и. н., старший научный сотрудник Лаборатории археографических исследований, доцент кафедры этнологии и археологии, Уральский федеральный университет (Российская Федерация, 620083 Екатеринбург, пр. Ленина, 51). Эл. почта: s.a.beloborod@yandex.ru

* Работа выполнена в рамках гранта «Взаимодействие культурно-языковых традиций: Урал в контексте динамики исторических процессов» № FEUZ-2023-0018».

UDC 279.99

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/184-194

Original article

© *Sergey Beloborodov*

URAL SKETE DWELLERS IN THE “CHULYM AND KOLYVAN TAIGA” (FROM THE HISTORY OF THE OLD BELIEVERS OF THE TOMSK REGION AT THE END OF THE 19TH — FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURIES)

One of the main tasks in studying such a complex and contradictory phenomenon as Russian (and Siberian) Old Believers is the study of local centers of different consents and interpretations. We firmly believe that only this approach makes it possible to recreate a complete, three-dimensional “picture” of the phenomenon of Old Believers in Russia. The article is devoted to the reconstruction of the history of the little-known (nowadays) Old Believers’ skete center, which appeared in the last quarter of the XIX century in the Tomsk province and existed until the end of the 1930s. The author pays special attention to the reconstruction of the biographies of skete dwellers, most of whom were natives of the Urals and lived in various Ural sketes before moving to Siberia. The comprehensive use of sources of both Siberian and Ural origin made it possible to significantly expand our understanding of these people, and in some cases quite fully reconstruct the biographies of prominent elders (starets), about whom little has been known until now. The paper also covers the issues of the periodization of the migration movement of the Ural skete dwellers to Siberia and the reasons for many Old Believers to migrate to the Tomsk province. It describes their life in the new conditions and problems that led to a new migration in the 1930-s to even more remote lands — to the banks of the Yenisei.

Keywords: *Old Believers, sketes, Ural, Tomsk province, Chulym, Parbig, biographies of elders*

Author Info: **Beloborodov, Sergey A.** — Ph.D. in History, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: s.a.beloborod@yandex.ru

For citation: Beloborodov, S. A. 2023. Ural Skete Dwellers in the “Chulym and Kolyvan Taiga” (From the History of the Old Believers of the Tomsk Region at the End of the 19th — First Third of the 20th Centuries). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 2: 184–194.

Funding: This research was conducted within the framework of the grant “Interaction of Cultural and Linguistic Traditions: The Urals in the Context of the Dynamics of Historical Processes” FEUZ-2023-0018.

Введение

Старообрядцы Урала традиционно поддерживали тесные связи со своими братьями по вере из Сибири. Но до конца XVIII столетия это относилось в основном к староверам Алтая. «Теплые» взаимоотношения с ними начались еще в первой

четверти XVIII в. и особенно упрочились после строительства А. Н. Демидовым Кольвано-Воскресенского (1727/1729 г.), Барнаульского (1739 г.) и Шульбинского (1744 г.) заводов, на которые было переведено множество мастеровых и работных людей с Урала, в том числе старообрядцев, родственники и знакомые которых остались на уральской земле.

Основная же часть «срединной Сибири» еще почти сто лет оставались для староверов «Terra Incognita». Здесь были иной климат и природа, не имелось развитой инфраструктуры, старообрядческие селения были редки и малолюдны. Но уже в XIX в. контакты между староверами Урала и Томской Сибири (прежде всего, в духовной сфере) существенно активизировались. В начале XX в. профессор богословия протоиерей Д. Н. Беликов, изучавший «томский раскол», одним из первых обратил внимание на этот факт и привел в своих сочинениях множество доказательств, его подтверждающих (Беликов 1901: 17–18, 29–31, 43–58, 79–80, 92–93 и др.; Беликов 1905: 16–18, 45 и др.). Однако, в силу ряда причин, этот автор совершенно не затронул вопрос о переселении в последней четверти XIX в. на территорию Томской губернии значительного количества «скитских» старообрядцев с Урала.

Первыми исследователями, обратившимися непосредственно к данной проблематике, стали новосибирские ученые Н. Н. Покровский и Н. Д. Зольникова. В целом ряде своих статей и книг они рассказали о таком замечательном памятнике старообрядческой книжности новейшего времени, как «Урало-Сибирский патерик» (2014), в котором, в числе прочего имеется множество упоминаний о скитниках, приехавших в Сибирь с Урала (Покровский 1999: 9–28).

В наши дни, опираясь на вновь обнаруженные сведения, стало возможным уточнить, а в отдельных случаях, существенно дополнить факты из биографий бывших уральских скитников, многие из которых прожили на территории Томского Приобья не один десяток лет. Особо отметим, что наша работа посвящена исключительно старообрядцам часовенного согласия, хотя, как известно, в этих же краях существовали скитские поселения староверов белокриницкой иерархии (Приль 2008: 479–484; Старухин 2015: 128–140). Основной задачей, которая решалась в нашем исследовании, стала попытка ответить на простые, на первый взгляд, вопросы: «Кто? Когда? Почему?» Полученные ответы позволили воссоздать более или менее целостную картину исторических событий.

Уральские староверы в томской тайге

Начнем с того, что переселение старообрядцев из уральских скитов в «томскую» Сибирь не было одномоментным явлением. Этот процесс начался в последней четверти XIX в. продолжался (с перерывами) более 60 лет. Можно выделить несколько этапов миграции и несколько «потоков».

Пожалуй, самым ранним свидетельством о более или менее значительном перемещении уральских скитников в пределы Томской губернии следует признать сведения о переезде около 1875 г. группы староверов-часовенных во главе с черноризцем Филимоном (Савкиным). На р. Большой Юксе (притоке Чулыма) они основали Казанский скит. Но в 1880 г. Филимон перешел в белокриницкое согласие и принял иноческий постриг с именем Феофилакт. Скит (получивший новое наименование

Михаило-Архангельская обитель) вскоре стал крупным монастырем, резиденцией урало-сибирских епископов белокриницкой иерархии. Он, как и расположенные поблизости две женские обители, просуществовал до 1918 г., когда скиты были разорены советской властью. Часть монахов и монахинь, которым удалось избежать арестов, перебрались сначала в нарымскую округу, а затем южнее — на приток Оби р. Шудельку, где они и дожили до 1933 г. (*Старухин* 2015: 128–140; *Белобородов, Боровик* 2017: 232–233).

Примечательно, что почти одновременно со скитом Филимона / Феофилакта в чулымской тайге появилась старообрядческая обитель, возглавляемая черноризцем Израилем, которого в 1880-е гг. считали одним из духовных лидеров старообрядцев-часовенных всего горнозаводского Урала. Свою скитскую жизнь этот человек начал еще в 1830-е гг. в одной из старообрядческих пустыней, находившейся на р. Сылве (Кунгурский у. Пермской губ.), которую возглавлял инок-схимник Никита (*Белобородов* 2005: 287). Позже о. Израиль обитал в крупном и авторитетном Кедровском скиту, где в 1862 г. был в первый (и единственный) раз арестован властями «за бродяжничество». На следствии выяснилось, что именно «Израиль пользовался большим влиянием среди беспоповцев Урминской волости, особенно же в деревнях Кедровке и Тепляки» (*Пругавин* 1904: 54). Однако после суда, «по необъяснимым причинам», черноризец был отдан на поруки... одному из руководителей старообрядческого общества Нижнетагильского завода.

Неизвестно, сколько времени о. Израиль провел в Нижнем Тагиле. Думается, что совсем недолго. Вскоре он вновь отправился в скиты, несколько раз менял места обитания. В конце концов Израиль в начале 1880-х гг. выбрал для проживания безлюдный район, расположенный на самом юге Ревдинской волости Екатеринбургского уезда. Примечательно, что очень скоро основанная им пустынь стала весьма популярна среди старообрядцев Урала, специально совершавших сюда паломничества (*Колегов* 1903: 575).

По всей видимости, именно это обстоятельство побудило о. Израиля (уже очень немолодого человека) перебраться в Томскую губ. на приток Оби р. Чулым. Но и здесь он не обрел покоя. Скит «в томских пределах», который старец возглавлял, был весьма многолюдным (Урало-Сибирский патерик, кн. 12014: 182). К тому же Израиль «по старшинству» стал духовным отцом для всех старообрядцев-часовенных округи, принимая на исповедь и покаяние, постригая в иноческий чин, разрешая самые различные вопросы (и духовные, и даже бытовые). Возможно из-за этого он принял решение вернуться на Урал в свой старый скит. Скончался о. Израиль в 1898 г. (память 11 июня) (Древлехранилище ЛАИ: Л. 10). Похоронен этот один из самых авторитетных старообрядческих иноков второй половины XIX в., близ д. Кенчурки (70 км к югу от Ревды) (Архив ЛАИ: Л. 12 об.).

Еще при жизни о. Израиля не слишком далеко (по местным меркам) от его скита на Чулыме появилось новое поселение уральских черноризцев, прибывших в 1892 г. из Ялуторовского у. Тобольской губ. (Колмаковская заимка близ д. Грязновой, «она же Звездочетово»), которыми руководил о. Савва (Мягков). История и причины миграции этой значительной группы скитников таковы: в конце XIX в. под покровительством тюменских купцов Колмаковых и на принадлежавшей им земле возник целый ряд скитских поселений (мужских и женских), из числа переселившихся сюда в 1882 г. старообрядцев с западного склона Уральских гор (бассейн р. Сылвы).

Около восьми лет скитницы и скитники жили у Колмаковых совершенно спокойно и даже вольготно. Правда, власти время от времени делали слабые попытки воздействовать на старообрядцев, как-то изменить ситуацию, навещая заимку купцов, но все эти акции «почему-то всегда не имели успеха». Первый, по-настоящему серьезный удар по колмаковским скитам был нанесен летом 1890 г., когда представители прокурорского надзора добрались наконец-то до самой дальней обители, в которой, впрочем, застали немногих скитников (остальные — «наполовину разбежались»).

В июле 1891 г. события повторились. Но теперь, объектами внимания властей стали женский и мужской скиты около д. Звездочетово. Хотя предупрежденные заранее обитатели скитов почти в полном составе укрылись в лесах («для сбора ягод и грибов»), следователи обыскали все помещения, конфисковали значительное количество богослужебных книг, а, главное, сильно напугали игуменью женской обители матушку Анатолию и даже самого В. В. Колмакова возможными репрессиями (Белобородов 2021: 72–77). После этого скитники приняли решение не искушать судьбу и, не дожидаясь нового визита прокурорских чиновников, покинули эту местность. Часть скитниц во главе с матушками Анатолией и Александрой в 1892 г. вернулась на Черную Гору в Урминскую волость, а почти все обитатели мужских скитов, во главе с о. Саввой, перебрались на обское правобережье, на р. Чулым (120 км к северо-востоку от Томска). С ними уехали также некоторые инокини, «начальство» над которыми было возложено на матушку Мелетину.

Скитскую жизнь она начала еще в первой половине 1880-х гг. в женской старообрядческой обители на р. Сылве близ д. Кедровка. Позже вместе с другими скитницами отправилась на Колмаковскую заимку в Ялуторовском у. В 1892 г. стала игуменьей оставшейся на «тюменьщине» части этого скита. После переезда в Томскую губернию, матушка Мелетина и несколько скитниц также сначала жили на притоке Чулыма р. Большой Юксе, но их, очевидно, не устроило соседство с упомянутым ранее «белокриницким» Михаило-Архангельским монастырем. Поэтому в начале XX в. они поселились в скиту на р. Двоечаге (устроенном неподалеку от мужского, располагавшегося на Парбиге). Там Мелетина и умерла в январе 1928 г. Ее преемницей стала матушка Афанасия (Кунгурская), руководившая скитом до своей смерти в мае 1938 г. (Урало-Сибирский патерик 2014: 296, 298, 310, 315).

Игумена мужского скита о. Савву в миру звали Селивестр Ефимович Мягков. Он родился в 1848 г. в поселке Быньговского завода (близ Невьянска) (Клементьева 2007: 10). В 1873 г. навсегда покинул отчий дом и направился на Сылву в Кедровский скит о. Нифонта. Проведя там 6 лет «бельцом», Селивестр был пострижен в «малый чин» под именем Савва. Вместе с основной частью скитской братии о. Савва переехал в скит на заимку братьев Калмыковых в Ялуторовском у. Тобольской губ., а в 1890 г. стал настоятелем этой старообрядческой обители. С 1892 по 1917 гг. скит, которым он руководил, находился в Томском крае на р. Чулым, а затем был перемещен на левобережье Оби, в «колыванскую тайгу» (200 км к северо-западу от Томска). В этой обители, на берегу р. Парбиг, о. Савва скончался в октябре 1929 г. (Урало-Сибирский патерик 2014: 314–315).

К сожалению, пока не обнаружено документальных свидетельств о том, как жили скитники после переезда в Сибирь. Но если вспомнить, что большинство представителей второй волны миграции ранее проживали в Колмаковских скитах, можно

предположить, что новые обитатели были устроены «по подобию» старых, с учетом сибирских реалий (например, вряд ли старообрядцы стали бы возводить двухэтажные «хоромы»). Принимая во внимание это обстоятельство, мы решили привести описание колмаковских скитов, сделанное священником-миссионером в 1891 г.

Мужской скит располагался на окраине самой заимки Колмаковых, «по обеим сторонам болота». Он состоял из нескольких отдельно стоящих домов. «Все эти постройки внутри представляют из себя тоже целый ряд маленьких комнат с низкими потолками, западнями и удушливым воздухом». Здесь же были устроены две моленные, «снабженные иконами, лампадами и богослужебными книгами».

Женский скит находился в четырех верстах от мужского, на окраине д. Звездочетово, рядом со старообрядческим кладбищем. Это было деревянное «довольно высокое строение, состоящее из двух отдельных помещений, соединенных крытыми наглухо сенями, с верхними и нижними окнами, в которых виднелись железные решетки. Строение обнесено с переднего фасада деревянной решеткой, из-за которой выглядывали черные кресты...». Входные сени вели в темный узкий коридор, по одну сторону которого помещались полки с занавесками, а по другую — двери в отдельные небольшие комнаты (кельи). В углу здания размещалась комната настоятельницы скита, откуда дверь вела в общую моленную, передняя стена которой была в три ряда уставлена иконами. Некоторые иконы были украшены жемчугом и бисером. В моленной «повсюду горели лампады, пахло ладаном, по стенам висели подушечки и лестовки». Здесь имелся полный круг печатных и рукописных богослужебных книг. Рядом с общей моленной были расположены отдельные комнаты — кельи, в каждой из которых находились божницы с иконами и кровать. Еще 10 маленьких «келеечек» находились в нижнем этаже здания (Белобородов 2021: 76).

Как уже говорилось, в 1917 г. с берегов Чулыма скитники переселились на р. Парбиг и ее притоки. Из самых вероятных причин этого переезда назовем две. Во-первых, после 1905 г. «белокриницкий» Михаило-Архангельский скит существенно разросся и стал значительным центром, привлекавшим множество паломников. В 1910 г. неподалеку от него был основан Ново-Архангельский скит. Резонно опасаясь этой «экспансии» и не желая «смущать умы» своих братьев и сестер «по вере», о. Савва мог решиться на переселение. Во-вторых, малолюдные ранее берега Чулыма и его притоков Большой и Малой Юксы начали стремительно заселяться крестьянами из Центральной России: в 1912 г. основана д. Минаевка, в 1913 г. — Копыловка, Комаровка... Появление поблизости новых деревень, в которых проживали не старообрядцы также не могло радовать обитателей скитов.

Следующая значительная миграция уральских скитников в Сибирь произошла в 1926 г. и связана она была с очередным усилением репрессивного давления, но уже со стороны советской власти. Вынужденными переселенцами стали обитатели мужского скита, который с 1915 г. находился на р. Нёк (ныне — граница Пермского края и Свердловской обл.). После смерти в 1926 г. игумена о. Кастора многие из скитян решили отправиться в «колыванскую тайгу» к о. Савве.

Скорее всего, руководил переездом о. Макарий (Матвей Семенович Паутов). Он родился в 1905 г. в с. Реши (ныне Петрокаменский р-н Свердловской обл.). Рано остался сиротой, работал по найму «у богатых». После революции, не желая вступить в колхоз, ушел в «странствование». В 1923–1925 гг. обитал около Лайской деревни (близ Нижнего Тагила) т. к. в ней жила его сестра. В 1926 г. с несколькими

староверами («от числа братии») уехал на Парбиг и проживал в скиту о. Саввы. Вместе с насельниками этой обители в конце 1930-х гг. мигрировал дальше в Сибирь. В 1951 г. был арестован и осужден на 25 лет. Освобожден в 1954 г. Но прославился он не только своей твердостью в вере, а как старообрядческий писатель, один из авторов «Урало-Сибирского патерика», создававшего на протяжении нескольких десятилетий (с конца 1930-х до начала 1990-х гг.) на нижнем Енисее старообрядцами-часовенными (Урало-Сибирский патерик 2014: 308).

Из числа других обитателей скита о. Саввы расскажем, пожалуй, еще лишь об одном малоизвестном персонаже — черноризце Георгии (в миру — Григории Рассадникове). Дело в том, что при всех непростых перипетиях, его жизненный путь имеет много общих черт с биографиями других скитников. Итак, он родился около 1885 г. В молодости несколько лет провел в армии, но вернувшись на Урал в 1910 г., понял, что его призвание — служение Богу. Григорий ушел в скит о. Сергия, расположенный близ д. Лая неподалеку от Нижнего Тагила. А когда в 1913 г. игумен скончался, Рассадников перебрался на р. Чизму (приток Чусовой на границе Пермского края и Свердловской обл.) в обитель черноризца Кастора (Чернова).

Вместе со скитом о. Кастора Григорий переезжал сначала на р. Бизь (15 км к западу от Чизмы), а потом еще западнее — на р. Нёк. Здесь Рассадников прожил восемь лет, а его главным делом был уход за больными и немощными старообрядцами, которых в скиту собиралось до десятка человек. После кончины о. Кастора в 1926 г. Г. Рассадников принимает решение отправиться в «колыванскую тайгу» — в скит на р. Парбиг. Там он стал черноризцем Георгием и получил благословение настоятеля о. Саввы трудиться келарем (заведовать монастырским хозяйством).

Следует отметить, что в новой должности о. Георгий нашел свое призвание. Он «каждый вечер ходил в анбар по продукты, и что нужно — все заготовит, а утром у него все готово. А хлеб пек зело хороший, корки никогда у хлеба толстой не было, и сырого тоже. И всю пищу приготавливал вкусно для питания братии. И был добр огородник, вся овощь у него росла хорошо, бутун во все лето не приедали, и на зиму засаливали. Лук у него рос крупный, и капуста тоже росла...». Маленький штрих к «портрету» о. Георгия: он постоянно «носил вериги на своем теле, «Христа ради», и когда молился «правило», вериги у него все побрякивали». (Урало-Сибирский патерик, кн. 1 2014: 105).

В 1937 г. состоялся последний переезд Георгия — старообрядцы, уходя от советской власти, обитель переместили в Енисейскую тайгу на р. Сым. Вскоре скитников «постиг голод»: 6 месяцев питались только хлебом, да и то смешивая муку с торфом и опилками. «А потом 60 дней жили без хлеба. Из торфа с ягодами пекли лепешки и солёну горячу воду пили». И хотя о. Георгий был еще не стар, он не смог перенести этих невзгод: 30 марта 1939 г. черноризец тихо скончался, попросив перед смертью, чтобы ему почитали из Цветника аввы Дорофея. Из-за «бессилия и немочности» его товарищей, тело скитника «завернули пологом, вывезли на нартах и загребли снегом», оставив, пока земля «не отмерзнет» (Урало-Сибирский патерик, кн. 1 2014: 106).

Последний этап переселения уральских староверов в томскую тайгу можно назвать «женским», так как подавляющее большинство его участниц составляли скитницы. Они переселялись в Сибирь из крупного скита, расположенного на р. Танаевке (около 80 км к югу от Тюмени). Этот скит был основан в 1922 г., когда в д. Солобоево в Приисетье съехались инокини сразу нескольких обителей (с бе-

регов р. Сылвы, из-под Лайского завода, из окрестностей оз. Сунгул Челябинского у. Уральской обл.). Причиной их переезда также стали преследования со стороны советской власти, а последовавшая несколько позже миграция в Сибирь на реки Тавангу и Коргу (около 70 км к северо-западу от Парбига) растянулась на несколько лет (с 1928 по 1932 гг.).

«Сылвенские» скитницы перебрались в Западную Сибирь после того, как начались их регулярные преследования местными представителями власти, закончившиеся тем, что в 1936 г. немногочисленные к тому времени обитательницы этого скита — Алевтина (Лескова), Евстолия (Домрачева), Афанасия (Воронина) и еще 6 инокинь были осуждены «за уклонение от общественного труда» и высланы на трехлетнее поселение в северные районы Свердловской области (Клюкина 2000: 107).

Женский скит матушки Александры появился около Лайского завода (близ Нижнего Тагила) в 1912 г. после переезда сюда большой группы скитниц из Кунгурского уезда. Александра пришла в женское «отделение» Кунгурского скита около 1880 г. в возрасте 22 лет. Ей долго отказывали, но, «видя ее неотступное желание, все же приняли». Вместе со скитом она переехала в 1883 г. в Ялуторовский уезд, а когда большинство скитниц в 1892 г. уехали в чулымскую тайгу, матушка Александра возглавила оставшуюся часть скита. Именно она руководила дальнейшими перемещениями обители: обратно в кедровские пределы (на Черную гору), в 1912 г. — под Лаю, наконец, в 1922 г. — на р. Танаевку, приток Пышмы (Урало-Сибирский патерик, кн.1 2014: 239, 296).

Современники отмечали, что управляла она скитом строго, но «до тонкости» справедливо. Александра умерла в марте 1925 г. Ее духовные дочери окончательно покинули Урал только в 1932 г. и уехали в колыванскую тайгу. Особо отметим, что воспитанные в скиту Александры инокини Еванфия (Осипова), Валентина (Тюрина), Елисавета, Флина (Шабаршина) сыграли важнейшую роль в истории сибирского старообрядчества в 1930-е — 1950-е гг.

Группу «сунгульских» скитниц возглавляла матушка Мелетина (Мария Васильевна Меренкова). Она родилась в 1889 г. в Кыштымском заводе Екатеринбургского у. В 15 лет пришла в скит, основанный в 1900 г. ее старшей сестрой Еленой на берегу оз. Сунгуль (90 км к югу от Екатеринбурга). После смерти матушки Елены в 1927 г., Мелетина и еще несколько скитниц переехали в Исетский район (ныне относится к Тюменской обл.). В 1929 (или 1930) г. скитницы перебрались в «колыванскую тайгу». Мелетина сначала жила в скиту на р. Корге, а затем — на Таванге. В 1934 г. часть скитниц перешли в скит матушки Афанасии (Кунгурской) на р. Парбиг.

После смерти о. Саввы управление парбигским мужским скитом было доверено о. Мине (Зебзееву) и о. Симеону (Лаптеву). Первому было благословлено заниматься делами духовными (принимать на исповедь), второму — управлять хозяйством. Оба они принадлежали к новой генерации старообрядцев, оба были достаточно молодыми. Примечательно, что эти руководители скита уже не имели отношения к Уралу: Мина был родом из Причулымья, а Симеон — из Ишимского у. Тобольской губ. Именно они инициировали передвижение скитов и их «населенников» в Восточную Сибирь.

С 1937 г. обитатели скитов, как мужских, так и женских начали постепенно переселяться из «колыванской тайги» дальше на восток страны: сначала на р. Верхнюю Безымянку (ныне Енисейский район Красноярского края, приблизительно 187 км

к северо-западу от Енисейска), в 1939 г. немного севернее — на Нижнюю Безымянку, а в 1940 г. — на левый приток Енисея р. Дубчес (ныне Туруханский район Красноярского края).

Причиной для столь масштабной миграции нескольких десятков скитников и скитниц стало очередное наступление «антихристовой власти». Это выразалось не только в том, что скиты время от времени навещали геологи (и, как небезосновательно считали старообрядцы, о них стало известно местной администрации). Были и более серьезные проблемы: с начала 1931 в с. Парбиг, расположенном относительно недалеко от скитов, действовала участковая (районная) спецкомендатура Сиблага ОГПУ, осуществлявшая надзор за 33 тысячами спецпереселенцев, которых разместили в 48 новых поселках. Летом того же года, доведенные до отчаяния голодом и неустроенным бытом, спецпереселенцы восстали. Для подавления этого выступления были задействованы войска ОГПУ и «коммунистические рабочие отряды». Решающее вооруженное столкновение произошло в районе р. Высокий Яр. Восставшие, потерпев поражение и около 100 человек убитыми, «рассеялись небольшими группами по тайге» (Советская деревня: 758). Без сомнения, солдаты карательных отрядов, которые еще больше года прочесывали леса в окрестностях Парбига, натыкались на скитские избышки и осматривали их в поисках беглецов. В 1933 г. власти разгромили заимку на которой проживали братья о. Мины с семьями и арестовали несколько человек. Выходом из этой ситуации для старообрядцев и стал очередной уход, который в сложившихся обстоятельствах они смогли осуществить только через несколько лет.

Заключение

Подводя итоги нашему рассказу об истории скитов, основанных в «томских пределах» уральскими старообрядцами-часовенными, отметим ключевые моменты.

Основание скитов и их заселение прошло в несколько этапов, первый из которых состоялся в начале 1890-х гг., а последний — закончился в середине 1930-х гг. Скитники и скитницы вначале жили на р. Чулым и ее притоках, а в 1917 г., проделав путь в 400 с лишним верст, переселились в окрестности р. Парбиг. В конце 1920-х гг. появились также женские скиты на р. Корге и Таванге. Общее руководство этим скитским центром более 35 лет осуществлял уроженец Быньговского завода о. Савва (Мягков). Среди скитников также большинство были уральцами.

Главной причиной миграции с Урала сначала в Западную Сибирь, а потом и в Томскую губернию был конфликт с властями, считавшими, что существование старообрядческих скитов незаконно. Обосновавшись в глухой тайге, скитники надеялись избежать преследований и до начала 1930-х гг. их ожидания, в целом, оправдывались. Однако новое столкновение с властью (уже советской) привело к очередному вынужденному переселению.

Источники и материалы

- Архив ЛАИ — Архив ЛАИ УрФ У. Дневники. Д. 46 / 78. Л. 12 об. Информация Юман Т. Н., 1898 г. р. Запись 1978 г.
- Беликов 1905 — Беликов Д. Н. Старинный раскол в пределах Томского края. Томск: тип. Н. И. Орловой, 1905. — [4], 69 с.
- Беликов 1901 — Беликов Д. Н. Томский раскол: (исторический очерк с 1834 по 1880-е годы). Томск: типолитография П. И. Макушина, 1901. — III, 246, [5] с.
- Древлехранилище ЛАИ — Древлехранилище ЛАИ УрФ У. VI (Невьянское) собр. 276 р / 5682.
- Колегов 1903 — Колегов Д. С. Мое пребывание в расколе // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1903. № 19. С. 570–577.
- Советская деревня — Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. Т. 3. Кн. 1. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 864 с.
- Урало-Сибирский патерик 2014 — Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: В 3-х т. / Отв. ред. Н. Н. Покровский. М.: Языки славянской культуры, 2014. Кн. 1 (Т. 1–2) — 464 с.; Кн. 2 (Т. 3) — 296 с.

Научная литература

- Белобородов С. А. Старообрядческие скиты в «Урминских пределах». (страница из истории староверия в Пермской губернии) // Проблемы истории России. Вып. 6. Екатеринбург: НПМП «Волот», 2005. С. 284–294.
- Белобородов С. А. Уральское скитничество и ялutorовские купцы Колмаковы // Большое городище. Краеведческий альманах. Тюмень. 2021. № 7–8. С. 72–77.
- Белобородов С. А., Боровик Ю. В. Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев / часовенных XVIII — начала XX в. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2017. 382 с.
- Клементьева Т. П. Наши предки старообрядцы. Поколенная роспись Мягковых // Сплетались времена, сплетались страны...: Сборник статей Уральского генеалогического общества. Вып. 18. Екатеринбург, 2007. С. 3–10.
- Клюкина Ю. В. Старообрядцы-часовенные Урала в конце XIX — начале XX вв. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург: изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. С. 85–135.
- Покровский Н. Н. Предисловие // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Т. 1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 9–28.
- Приль Л. Н. Жизненное пространство староверов Среднего Приобья: женские стратегии освоения // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Мат-лы междунар. науч. конф. / Под ред. Т. К. Щегловой, И. В. Октябрьской. Барнаул: БГПУ, 2008. Вып. 7. С. 479–484.
- Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. М.: отд. тип. т-ва И. Д. Сытина, 1904. 281 с.
- Старухин Н. А. Сибирские общества белокриницких староверов во второй половине XIX — начале XX в. / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Н. Д. Зольникова. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2015. — 206 с.

References

- Beloborodov, S. A. 2005. Staroobryadcheskie skity v «Urminskikh predelakh» (stranitsa iz istorii staroveriya v Permskoi gubernii) [Old Believers' Sketes in the "Urminsky Limits" (A Page from the History of the Old Belief in the Perm Province)]. In *Problemy istorii Rossii* [Problems of the History of Russia]. Vol. 6. Ekaterinburg: NPMP «Volot». 284–294.

- Beloborodov, S. A. 2021. Ural'skoe skitnichestvo i yalutorovskie kupty Kolmakovy [Ural Sketes and the Kolmakov Merchants from Yalutorovsk]. In *Bol'shoe gorodishche. Kraevedcheskii al'manakh* [Bolshoe Gorodishche. Local History Almanac]. Issue 7–8. Tyumen. 72–77.
- Beloborodov, S. A., Borovik, Yu. V. 2017. *Starovery gornozavodskogo Urala: stranitsy istorii soglasiya beglopoptsev / chasovennykh XVIII — nachala XX v.* [The Old Believers of the Mining Urals: Pages of the History of the Consent of Beglopoptsev / Chasovennyye of the 18th — Early 20th Centuries]. Ekaterinburg: izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 382 p.
- Klement'eva, T. P. 2007. Nashi predki staroobryadtsy. Pokolennaya rospis' Myagkovykh [Our Ancestors the Old Believers. Generational Painting of the Myagkovs]. In *Spletalis' vremena, spletalis' strany...: Sbornik statei Ural'skogo genealogicheskogo obshchestva* [Intertwined Times, Intertwined Countries ...: Collection of Articles of the Ural Genealogical Society], ed. by E. A. Kalistratova. Vol. 18. Ekaterinburg. 3–10.
- Klyukina, Yu. V. 2000. Staroobryadtsy-chasovennye Urala v kontse XIX — nachale XX vv. [Old Believers-Chasovennyye of the Urals in the late 19th — early 20th centuries]. In *Ocherki istorii staroobryadchestva Urala i sopredel'nykh territorii* [Essays on the History of the Old Believers of the Urals and Adjacent Territories], ed. by I. V. Pochinskaia. Ekaterinburg: izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 85–135.
- Pokrovskii, N. N. 1999. Predislovie [Preface]. In *Dukhovnaya literatura staroverov vostoka Rossii XVIII–XX vv.* [Spiritual Literature of the Old Believers of the East of Russia of the 18th–20th Centuries]. Vol. 1. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. 9–28.
- Pril', L. N. 2008. Zhiznennoe prostranstvo staroverov Srednego Priob'ya: zhenskie strategii osvoiniya [The Living Space of the Old Believers of the Middle Ob Region: Women's Development Strategies]. In *Ehtnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii* [Ethnography of Altai and Adjacent Territories], ed. by T. K. Sheglova, I. V. Oktyabrskaya. Vol. 7. Barnaul: BGPU. 479–484.
- Prugavin, A. S. 1904. *Staroobryadchestvo vo vtoroi polovine XIX veka. Ocherki iz noveishei istorii raskola* [Old Believers in the Second Half of the XIX century. Essays from the Recent History of the Schism]. Moscow. 281 p.
- Starukhin, N. A. 2015. *Sibirskie obshchestva belokrinitskikh staroverov vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* [Siberian Societies of Belokrinitsky Old Believers in the Second Half of the 19th — Early 20th Century], ed. by N. N. Pokrovsky, N. D. Zolnikova. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN. 206 p.